

ПЕСНЯРЫ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

К 100-летию со дня рождения Якуба Коласа и Янки Купалы

Совпадают первые же даты их биографий: год рождения — 1882. Но роднит их, конечно, другое: оба они — и сын безземельного, вечно скитавшегося арендатора Иван Доминикович Луцевич (Янка Купала), и сын лесника, жившего на чужой земле и стерегшего радзавилловские леса, Константин Михайлович Милкевич (Якуб Колас) — сумели сказать от имени угнетенного тогда, замученного, бесправного народа то, что веками искало выражения в слове, в мысли и чувстве. От имени народа, который при царизме и народом-то не назывался, а считался какой-то этнической разновидностью, а его «грубую» речь (этот язык, сгравиривший очарование словес времен Киевской Руси) — не то польским, не то русским диалектом.

Возрождающейся во второй половине XIX века национальной литературе отказывали в праве на самостоятельность. И вдруг — в полный свой рост поднялись гиганты, о которых А. Твардовский говорил: «Вот в двадцатом веке много ли мы можем назвать имен, которые можно было бы поставить рядом с Купалой и Коласом? Боюсь, что весьма немногих».

Сравним их портреты. Лицо Янки Купалы — тонкое и нежное, с затаенной грустью или едва уловимой усмешкой в глазах, передающее порывистость темперамента, внутреннюю устремленность к вершинам духа, — классический облик поэта. Лицо Коласа, мужественное и строгое в молодости, обрело со временем и доброту, и выражение душевного равновесия, мудрости, достоинства. А литературные имена поэтов, по непостижимой случайности совпадающие в своих инициалах! У Коласа — очень материальное, осязаемое, напоминающее о тяжелом труде вечно голодного мужика, а у Купалы — легкое, радостно-тревожное, овеянное тайной славянского празднества. Легкость, праздничность? Да! Но только ли это? Небольшая корреспонденция «Празднование Купалы в Вильно», опубликованная в 1912 году, заканчивалась словами: «Пора скинуть многомиллионному белорусскому народу свой вечный сон... Пусть праздник Купалы станет повсеместным праздником белорусского национального возрождения...». В этом все дело: писатель дает этнографическую зарисовку, сообщает о старинном празднике, а вывод — призыв к национальному возрождению.

И шли они всю жизнь рука об руку, друг другу «прокладывая след» (Колас). Поэты-побратимы, непохожие, но удивительно друг друга дополняющие. Их стили, поэтическая интонация соответствуют так удачно выбранным псевдонимам. Тонкий, светлый, мятежный лирик и вдумчивый, рассудительный эпик заложили основы литературного языка и целой литературы.

Национальное возрождение. Это первое, о чем задумываешься, когда оглядываешь творческий путь поэтов. Именно пробуждение национального чувства, осознание национальной принадлежности сделало их самих белорусскими поэтами, а в конечном итоге — тем, чем они стали для своего народа и всего мира.

Первые стихи Купалы написаны по-польски. «Но вот, — вспоминал позднее поэт, — попадались мне в 1904 году

или в начале 1905 года революционные прокламации на белорусском языке и книжки Богушевича и Марцинкевича... Это окончательно решило, что я белорус и что единственное мое призвание — служить своему народу всеми силами своей души и сердца».

Нечто подобное произошло и с Коласом, который начал со стихов на русском языке. «Еще в начальной школе, — вспоминал он, — случайно попалась мне в рукописном виде белорусские стихи, написанные Янкой Лучиной. Эти стихи я выучил наизусть и любил их декламировать». А во время учебы Коласа в Несвижской учительской семинарии его белорусскими стихами заинтересовался преподаватель А. Ф. Кудринский и сказал молодому поэту: «Вот ваше призвание». В воспоминаниях Коласа фигурирует тот же рубеж, впоследствии определенный для себя и для всех своих собратьев по перу белорусским поэтом М. Богдановичем: «1905 год является вехой, отмечающей точку перелома в истории белорусского возрождения», он пробудил в белорусях стремление «разобраться в окружающей жизни и вызвать лихорадочный спрос на идеологические ценности». Да, они были призваны своим обездоленным народом — замученным белорусским мужиком — выразить страдания, думы, мечты на его родном языке.

А кто там идет по болотам и лесам
Огромной такой толпой? —
Белорусы.
А что они несут на худых
плечах,
Что подняли они на худых
руках? —
Свою кривду.
...А чего ж теперь
захотелось им,
Угнетенным века, им,
слепым и глухим? —
Людью зваться.

С этими стихами Купалы впервые познакомил российского читателя М. Горький.

Первый же сборник Купалы «Жалейка» (1908) — такая скромная книжка с незамысловатыми стихами, написанными словно не профессиональным литератором, а простым крестьянином, — был конфискован, а его издатель подверглись судебному преследованию. В заключении Санкт-Петербургского комитета по делам печати при министерстве внутренних дел по поводу стихотворения «Еще долго ль?» говорилось, что «автор возбуждает крестьян к неплатежу податей, то есть совершает преступление...».

Еще большего «внимания» властей удостоился Якуб Колас: за революционную пропаганду среди крестьян, за участие в организации нелегального съезда народных учителей он был арестован и на три года заключен в Минский острог.

При несомненном сходстве тематики, жизненного материала, социальной основы творчества двух поэтов мы имеем дело с разным художественным видением действительности: преимущественно романтическим у Купалы и реалистическим у Коласа. Романтизм Купалы был исторически обусловленным. И дело не только в том, что ускоренно развивающейся белорусской литературе необходимо было активно усвоить опыт предшествующих этапов европейских литератур, но прежде всего в том, что

эпохи национального подъема и революционного движения вызывают в искусстве романтическую приподнятость, устремленность к самым высоким идеалам. Наиболее полно романтическое начало в творчестве Купалы проявляется в поэмах, с их сюжетами, построенными на легендах, с исключительными, обычно гибнущими героями, условно-историческим колоритом: «Извечная песня», «Сон на кургане», «Бондаровна», «Могила льва», и, наконец, «Курган» — о народном певце гусяре, который ценой своей жизни доказал, что свободную песню невозможно ни купить, ни заковать в кандалы.

Если Купала, по определению А. Твардовского, — «лирик по складу своего замечательного таланта», то силу Коласа А. Твардовский видит в его приверженности повествовательному жанру. Колас, по праву считающийся основоположником реалистической белорусской прозы, начинал со стихотворных рассказов, а в 1911 году приступил к работе над поэмами, снискавшими мировую известность. Если в древних эпопеях — «Илиаде», «Калевале», «Эдде», запечатлелся как бы весь опыт народа в период его становления, то «Новая земля» тоже вобрала опыт белорусского народа во время восстановления, возрождения его национального самосознания. Отмечая исключительность поэмы, А. Твардовский признавал: «Произведений такого объема, как «Новая земля» Якуба Коласа, произведений такого отражения народной жизни я просто не могу назвать».

Здесь иное, чем в старинном эпосе, понимание героики, здесь нет сказочных богатырей и чудесных подвигов, но есть высокий пафос труда, возведенного в степень прекрасного. Для персонажей «Новой земли» выстраданный клочок земли — это, в конечном счете, обретение социальной, материальной и духовной независимости. И разве не на этом основана мечта целого народа? Видно, правы те, кто называет «Новую землю» энциклопедией жизни белорусского крестьянина.

Своеобразие таланта Коласа в том, что параллельно с «Новой землей» он пишет «Симона-музыканта» — произведение совсем иного характера, поэму об одаренном юноше из народа, о его поисках счастья и смысла жизни, о высоком предназначении искусства. Напомним, что обе эти поэмы были завершены уже после Октября, под влиянием социально-политических перемен в стране, которые способствовали окончательному формированию и осмыслению представлений их автора о судьбах белорусского народа.

Поэты, борющиеся за счастье «людьми зваться» для своего народа и всех угнетенных, приветствовали перемены, принесенные революцией. «Владыкой станет вольный труд!», — провозгласил Колас. «Теперь я свободно и гордо пою», — восклицал Купала. Радость, как бы не находящая даже точного определения, проявилась в первой, же послереволюционной поэме Купалы «Не названное», ею озарены поэмы «Над рекой Орессой», «Борисов».

Выдающимся творческим достижением Якуба Коласа, явилась его трилогия «На росстанях» (1921—1955). Это роман о пути в революцию народного

учителя Андрея Лобановича, история которого во многом автобиографична.

Гневными словами откликнулись сердца поэтов на вторжение фашистских полчищ:

Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте врагов поганых,
Режьте свору окаянных,
Свору черных псов войны!
Та же призывная интонация в стихах Якуба Коласа:
Копайте яму, долокопы,
Чтобы в ее холодный прах
Упал навек тиран Европы,
Свободы, мира лютый враг!

В июле 1941 года народные поэты Белоруссии выступили в печати с обращением, которое заканчивалось страстным кличем: «На борьбу, за победу, наш родной белорусский народ!».

Насколько близка национальным поэтам Белоруссии тема интернационализма, свидетельствуют даже названия их произведений: «Украина», «Генац вале», «Тарасова доля» — у Купалы, «Джамбулу», «Тарасу Шевченко», «Узбекистану» — у Коласа. Их творчество интернационально по своим истокам. Купала писал: «Украинскую литературу я люблю больше, может быть, чем какую-нибудь другую». Он же говорил о своем увлечении Некрасовым, Лермонтовым, Кольцовым, а статью о Пушкине озаглавил «Любимый поэт». Коласу же дороги были Крылов и Жуковский, Лермонтов и Некрасов, Гоголь и Толстой. Но особенно проникновенные слова признательности адресованы «дивному гению»: «Не будь Пушкина с его «Евгением Онегиным», «Медным всадником», «Вольностью» и посланьем «В Сибирь», «Капитанской дочкой» и сказками, не было бы, наверное, и моих поэм «Новая земля» и «Хата рыбака», лирики и прозы». Благодаря Купале и Коласу белорусы получили переводы произведений многих русских поэтов-классиков.

Можно вспомнить улицы, площади, театры во многих городах и республиках, носящие их имена, мемориальные музеи, многочисленные издания и переводы.

По решению ЮНЕСКО 100-летний юбилей великих песняров отмечается во всем мире.

Председатель правления Союза писателей Белоруссии Максим Танк в статье «Соединять сердца народов» (Литературная Россия, 1982, № 11) обосновывает тезис о крепости духовного родства народов-братьев примерами из жизни Купалы и Коласа, а, усматривая в судьбе белоруса Владимира Коваленка, совершившего вместе со своим русским побратимом Александром Иванченковым 140-суточный космический полет, воплощение судьбы целого народа, вновь цитирует Янку Купалу: это он еще на заре нынешнего века воспел мечту своего народа взлететь к солнцу, к звездам.

Как живую, действенную часть духовного мира советского человека воспринимаем мы сегодня творческое наследие народных песняров Белоруссии, черпая в нем опыт жизни предшествующих поколений, неумирающие нравственные ценности, возвышающую радость приобщения к прекрасному.

В. СЛАВЕЦКИЙ,
преподаватель Липецкого
политехнического
института.